

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551

Особенности описания «своих» и «чужих» в космографическом введении «Повести временных лет»

Н.И. Солнцев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: sochin3@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается структура космографического очерка «Повести временных лет» с целью объяснить особенности летописного описания «своих» и «чужих». На основании анализа структуры текста показывается, что летописное изложение событий соответствует стандарту раннеисторического описания, выработанного в мировой литературе. Структурный анализ текста показывает, что рассматриваемый космографический очерк в начале ПВЛ был необходим летописцу для концептуально-смыслового соединения сюжетов ветхозаветной и славянской истории. Автор обращает внимание на то, что схема летописного повествования схожа с ветхозаветной книгой Иисуса Навина, повествующей о завоевании богоизбранным народом земли Ханаанской. Таким образом летописец соотносит раннюю историю славян с ветхозаветными сюжетами. Вводя в летопись описания жизни и быта славянских племен, демонстрирующие их принципиальные культурные отличия от полян, автор тем самым обосновывает политическое и сакрально-обрядовое доминирование полян и определяет Киев как безальтернативный центр Древней Руси.

Ключевые слова: имагология, летописный рассказ, расселение славян, поэтика Ветхого Завета, структура раннеисторического текста, конструирование мифосистем.

Для цитирования: Солнцев Н.И. 2020. Особенности описания «своих» и «чужих» в космографическом введении «Повести временных лет». Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 541–551. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551.

Peculiarities of description of «their» and «others» in the cosmographical introduction of the Russian Primary Chronicle

Nikolay I. Solntsev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: sochin3@yandex.ru

Abstract. The article examines the structure of the cosmographical essay of the Primary Chronicle in order to explain the features of the annalistic description of «their» and «others». Based on the analysis of the text structure, it is shown that the chronicle account of events corresponds to the standard of early historical description developed in the world literature. This statement puts the researcher not so much before the task of considering the actual information contained in the source text, but rather before the need to analyze the form and structure of the historical text itself in terms of revealing the general idea of the chronicler. Structural analysis of the text shows that the cosmographical essay at the beginning of the Primary Chronicle was

necessary for the chronicler for the conceptual and semantic connection of the plots of the old Testament and Slavic history. The author draws attention to the fact that the scheme of the chronicle narrative is similar to the old Testament book of Joshua, which tells about the conquest of the land of Canaan by a God-chosen people. Thus the chronicler correlates the early history of the Slavs with the Old Testament stories. Introducing into the chronicle descriptions of the life and customs of Slavic tribes, demonstrating their fundamental cultural differences from the Poles, the author thus justifies the political and sacral-ceremonial dominance of the Poles and defines Kiev as the uncontested center of Medieval Russia.

Keywords: imagology, chronical narrative, the resettlement of the Slavs, poetics of the Old Testament, the structure of the early historical text, the construction of myth systems.

For citation: Solntsev N.I. 2020. Peculiarities of description of «their» and «others» in the cosmographical introduction of the Russian Primary Chronicle. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 541–551 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551.

С начала российской истории космографическое введение к «Повести временных лет» становится неотъемлемой частью любого сколь-либо масштабного исторического произведения. После выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина описание дислокации славян прочно входит в большинство исторических курсов как состоявшаяся их научная данность, не подлежащая сомнению [Карамзин, 2003, с. 54–55]. Космографическое описание легло в основу исторических [Насонов, 1951, Рыбаков, 1963, Пашуто, 1968, Сахаров, 1980], историко-географических [Барсов, 1885, Кузнецов, 1910, Рыбаков, 1953, с. 23–104], этнографических исследований [Кузьмин, 1969, Рыбаков, 1982], реконструирующих картину ранней истории средневековой Руси. Несмотря на всю спорность приведенных в летописании этнонимов [Tolochko, 2008, p. 173], они прочно вошли в терминологический обиход отечественной археологии [Седов, 1995, с. 358–375].

Подобное положение дел обуславливалось сформировавшейся еще в XIX веке уверенностью в том, что основное назначение исторического произведения состоит в доведении до сведения потомков некой лишенной субъективного отношения информации о прошлом. Тем самым на творчество древнерусского книжника переносился принцип объективности, сформировавшейся не ранее Нового времени. При этом явно игнорировался факт того, что летописец, будучи интегрирован в совершенно иную культурно-социальную сферу, преследовал в своем сочинении абсолютно другие цели, реализовывая их как через присущую данной эпохе литературно-историческую традицию, так и характерный для этого времени метаязык, связанный с формами исторического мышления современного ему времени. Данное положение выводит на первый план не столько рассмотрение фактической информации, находящейся в тексте источника, сколько исследование самой композиции повествования, напрямую связанную с современным автору мироощущением.

Для этого следует обратиться к самому тексту «Повести временных лет», но постараться рассмотреть его не с точки зрения представленного фактического материала, а исходя из структуры, логики и авторской цели изложения. Еще в 1973 году в своей статье «О космологических источниках раннеисторических описаний» [Топоров, 1973, с. 106–150, Топоров, 2010, с. 161–205] В.Н. Топоров выделял ряд закономерностей, присущих структуре раннеисторических повествований. Сформулированные в работе мысли и выводы стали методологической основой данного исследования, что дало возможность понять цели, стоявшие перед автором «Повести временных лет», и уяснить смысл и назначение ее вводной части. Поставленная задача была разрешена с помощью семиотического подхода, а также герменевтического и сравнительно-исторического методов, дополненных лингвистическими приемами исследования текстов. Использование подобной методологической базы совместно с исторической феноменологией позволило увидеть в

космографическом введении к «Повести временных лет» структуру, характерную для раннеисторического описания.

Рассматривая задачи, стоящие перед автором подобного описания, В.Н. Топоров обращает внимание на то, что первейшей из них становится насущная необходимость разделить историческую перспективу как бы на две части. В первой самого объекта исторического описания еще не существует, так как человек или социум еще не появился. Во второй части человек уже появился, и социум в его лице начинает активно творить исторический процесс. Таким образом, первостепенная задача, стоящая перед создателем раннеисторического произведения, состоит в дискурсивном соединении их в одно целое. Обычно подобная задача решается в преамбуле к основной части повествования и преследует цель отметить точку «начала истории». Мировая литература прибегала к данному способу так часто, что создала своеобразный шаблон, который и был описан В.Н. Топоровым. Отталкиваясь от первоначального вопроса о сотворении мира, создатель текста переходит к описанию временных отрезков, формирующих первоначальную историю. Этот этап неотделим от описания пространства, занимаемого социумом, причем в большинстве случаев презентация территорий ведется от некой географической периферии к центру – зоне обитания описываемого народа. Следующим актом повествования становится совмещение двух исторических начал, сакральной псевдоистории с собственно историей народа с ее логико-дискурсивным содержанием. Для реализации этой задачи в произведение вводится актер, совмещающий в себе черты вымышленного и реально существующего лица. Данный персонаж открывает собственно историю социума в его культурном единстве, для подтверждения которого в текст вводятся описания обычаев, родства, общественного поведения, брака [Топоров, 2010, с. 169]. Нельзя сказать, что космографическое введение летописи полностью отвечает данным особенностям, однако во многом описание, данное летописцем, с ним совпадает.

Прежде всего, обращают на себя внимание первые слова летописи, ставшие своеобразным введением в дальнейшее повествование. «Се повѣсти времяныхъ лѣтъ ѿкуду есть пошла руская земля кто въ киевъ нача первѣе княжити и ѿкуду руская земля стала есть» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 1, л. 1 об]. Казалось бы, после этого летописец должен был бы озаботиться ответом на поставленный им же самим вопрос, однако этого не происходит. Автор отсылает читателя к сюжетам библейской истории. Подобному можно дать как минимум два объяснения. Прежде всего, для средневекового книжника Ветхий Завет являлся единственно возможным и, главное, единственно верным образцом исторического произведения, ортодоксальность которого не подлежала сомнению. «Библейские тексты являлись источниками сюжетов, аллюзий, цитат, фразеологии и лексической семантики, оказывая тем самым влияние на сюжетостроение и стилистическое своеобразие всей литературы» [Алексеев, 1999, с. 8–9]. Кроме этого, в сознании средневекового человека разрыва между сакральной ветхозаветной историей и современностью практически не существовало. Ветхий Завет выступает как общеобъединяющая часть, протоистория христианской цивилизации. И наконец, подобное начало можно рассматривать как реализацию общего замысла летописного произведения, концептуальной задачей которого становится смысловая связь библейской истории с историей славян.

Летописное начало истории славян отправляет читателя ко времени окончания Великого Потопа. Смысл данного сюжета очевиден – согласно библейской легенде, Потоп становится отправной частью истории всего человечества. Так, О.В. Белова отмечает, что сама тема Потопа, аллюзивно отразившись в огромном количестве легенд, всегда рассматривалась как событие исключительное, говорящее о наступлении новой эры [Белова, 1998, с. 164–167]. В новозаветной истории данное событие всегда осмысливалось как духовное перерождение человечества покорного воле бога [Евр. 11:7] и теперь готового встретить будущее богоявление [2 Петр. 2:5].

Не удивительно, что этот сюжет занимает столь значительное место не только в «Повести временных лет», но и, как утверждает А.А. Шахматов, в предшествующих ей «Хронике» Георгия Амартола, откуда взят перечень территорий, доставшихся сыновьям Ноя [Шахматов, 2002, т. I, кн. 1. с. 268], и «Хронике» Иоанна Малалы с описанием народов Восточной Европы [Шахматов, 2002, т. I, кн. 2. с. 177–183]. Однако, несмотря на всю традиционность данного сюжета, помещение в начало повествования этногенетической легенды, как утверждает В.Я. Петрухин, попирает основы средневековой хронографии, полностью игнорируя «Шестоднев», а вместе с ним сотворение мира, и сразу переводя внимание на тему разделения земли между сыновьями Ноя [Петрухин, 1998, с. 277]. На нетипичность подобного введения для византийской исторической традиции указывает Е.А. Мельникова [Мельникова, 2010, с. 81]. Все это дает возможность предполагать, что данный сюжет был важен для летописца, так как придавал тексту заранее установленный дискурс.

В «Повести временных лет», как и в библейском предании, Хаму достаются земли южные, Иафету – северные, а территории, отведенные Симу, таким образом, располагаются посередине между ними. Данное географическое положение выразительно подчеркивало их центральное положение, придавая им статус земли обетованной [Евр. 1:10]. Это и пришлось констатировать летописцу, расположив славян-иафетитов на краю ойкумены. Выход из этой затруднительной ситуации был найден с помощью созданной в тексте достаточно изящной мифосистемы, которая начинает формироваться с описания вавилонского столпотворения. «Афетови же приаъша западь и полунощныа страны ... быс языкъ Словѣнскъ ѿ племени Афетова» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 5, л. 2 об.].

Данный сюжет явно служил для разделения всех иафетитов на «своих» и «чужих», что позволило выделить славян из всех прочих народов. Это, в свою очередь, дало возможность перейти к описанию «исхода» славян с Дуная, где, по мнению летописца, располагалась их первоначальная дислокация. В этой части повествования летописец перечисляет пятнадцать племен, а когда «волохи» изгоняют славян с Дуная на Вислу и Днепр, их остается десять.

Подобное описание очень близко к ветхозаветному рассказу. Согласно Библии, земельные угодья за рекой Иордан получают девять «племен» – колен израилевых. «Раздели землю сию в удел девяти коленам и половине колена Манассиена» [Иис. Нав. 13:7]. Если же иметь в виду, что описание библейских двенадцати колен израилевых можно отнести скорее к идеальной форме организации пространства, то ветхозаветные аллюзии летописца, как отмечает В.Я. Петрухин [Петрухин, 2008, с. 64], становятся очевидными. Этой же точки зрения придерживается и И.Н. Данилевский [Данилевский, 2014, с. 70–71]. Подобная форма изложения, как указывает А.П. Толочко, была призвана ментально соединить историю нарождающихся славян с универсалиями христианской традиции [Tolochko, 2008, p. 178].

Следующей задачей, которую решает летописец, становится соединение ветхозаветной сюжетности и собственно славянской. Задача решается через создание Симу, Хаму и Иафету прямой оппозиции в лице квазиисторических братьев Кия, Щека и Хорива. «И створиша градъ во имя брата своего старѣишаго ... блху мужи мудри и смыслени и нарицахуса Полане ѿ нихе же есть Полане в Киевѣ и до сего дне» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 9, л. 4]. Это дало возможность перевернуть ветхозаветное пространство и рассматривать дальнейшую историю, исходя из доминанты нового сакрального центра, связанного исключительно со славянскими племенами. Характерно, что, приведя на Днепр девять славянских племен, летописец уже на месте расширяет их круг до пятнадцати, то есть доводит их число до того количества, которое предшествовало переселению. Тем самым создав образ новой славянской родины, делая Поднепровье новой землей обетованной для нового, только что созданного его пером богоизбранного

народа. Казалось бы, как отмечал выше В.Н. Топоров, описание брачных отношений и социального поведения должно было стать завершающим шагом в создании образа народа в изображении славянского единства в данном летописном эпизоде, но этого не происходит. Вместо этого летописец приводит описание моральной пропасти, лежащей между насельниками днепровских высот полянами и другими славянскими племенами, населяющими Русскую равнину.

«Древляне живаху звѣринскимъ вбразомъ жиоуще скотьски оубиваху другъ друга ѣдяху вса нечисто и брака оу нихъ не быше но оуммыкиваху оу воды двѣа и Радимичи и Ватичи и Сѣвер вдинъ вбычаи имаху живах в лѣсѣ ѣкоже и всакии звѣрь ѣдуще все нечисто и срамословье в ни предъ втѣци и предъ снохами и браци не бываху в ни и игрища межю селы схожахуса на игрища на пласанье и на вса бесовьскаѣ игрища и гу оумыкаху жены собѣ с неюже кто съвѣщашесѣ имаху же по двѣ и по три жены» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 13–14, л. 5]. Точно так же ведут себя вятичи и кривичи и все остальные «твораше сами собѣ законъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 14, л. 5]. Характер подобного описания сразу ставит перед исследователем вопрос, какой смысл имела данная констатация и зачем летописцу понадобилось разрушать столь тщательно выписанное единство славянских племен, наконец завершивших столь долгое путешествие к землям своего нового обитания. Если раньше все образительные средства текста были направлены на создание картины, показывающей единство культуры, языка и обычаев, то теперь летописец намеренно перечеркнул все достигнутое, изобразив окружающие полян племена не просто как «других», но как «чужих», на что указывают характерные особенности описания. Именно на такую особенность определения «чужого» указывает В.В. Колесов, когда говорит о высшей степени неприятия «других» или «иных», определяя их как что-то начисто враждебное, исключаяющее всяческие дружеские отношения [Колесов, 1986, с. 22].

Как указывает Н.Л. Шамне, «маркерами отношения к «другим» и «чужим» может служить описание внешних черт, поведения, в том числе и речевого, среды обитания, особенностей характера иного социума ... Выражение эмоций по поводу тех или иных событий, впечатлений, как правило, одновременно указывает на оценку – положительную или отрицательную» [Шамне, 2009, с. 3]. В описании «других» присутствует неподдельный интерес: «где живут, что едят, как общаются, мотивация действий, обычаи, традиции» [Иссерс, Рахимбергенова, 2007, с. 90]. Оценка же «чужого» характеризуется наличием крайне отрицательных эмоций, отторжения, неприятия [Шамне, 2009, с. 3]. К этому обычно добавляется сравнение и противопоставление культурных традиций с целью подчеркнуть порочность чужих нормативов, что, собственно, и демонстрирует летописец.

Обращает на себя и еще одна особенность в изложении текста. Как отмечает А.Б. Пеньковский, «свой» мир – это мир единственного числа, со значением единичности. Он строится из дискретных, уникальных в своей индивидуальности предметов и символов. Мир «чужой» выражается посредством описания однородного множества, это мир статичный и неподвижный, не имеющий тенденций к изменению [Пеньковский, 2004, с. 10]. Именно так и поданы летописцем окружающие полян племена. Они образуют единую в своей слитности, враждебную, состоящую из однородных культурных единиц массу, что в итоге и приводит автора к общей для них всех констатации: «погании не вѣдуше закона Бжѣѣ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 14, л. 5 об.]. Отметим, что для летописи понятие «поганый» (латинское «*paganus*» – деревенщина, а позднее «язычник») всегда имеет крайне отрицательные коннотации, говорящие о социальном, культурном и религиозном убожестве названного народа, определяя тем самым сложившиеся непримиримые противоречия [Колесов, 1986, с. 22]. Применение его в данном контексте указывает на крайнюю степень противопоставления летописцем полян всем остальным славянским племенам. Стоит ли повторять, что подобное противопоставление

ломает всю смысловую и логическую структуру предыдущего текста и требует своего объяснения.

Априори считается, что пришедшие с запада славянские племена были единым этносом, однако подобное утверждение вызывает ряд сомнений. Прежде всего, еще в описании деления земель между Симом, Иафетом и Хамом летописец допускает достаточно странную оговорку. «Симъ же и Хамъ и Афеть раздѣливше землю жребьи метавше не преступати никомуже въ жребии братень и живяхо кождо въ своеи части» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 4, л. 2 об.], читаем мы в «Повести временных лет». Отметим, что в комментариях к летописи смысл этой фразы либо опускается, либо остается за чертой внятных объяснений. Д.С. Лихачев считал, что «... о разделении всей земли по жребию Библия не рассказывает» [Повесть временных лет, 1996, с. 380]. К такому же мнению о противоречии фразы духу библейского рассказа приходят А.Г. Кузьмин и В.В. Фомин [Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись), 1993, с. 313].

Действительно, в библейском рассказе о разделении земель сыновьями Ноя речь о жребии не идет, однако данная фраза встречается в более поздней части Ветхого Завета. О жребии говорится в книге Иисуса Навина: «По жребию делили они, как велел Господь через Моисея, девяти коленам и половине колена Манассиина» [Иис. Н. 14:2]. Можно смело предположить, что, живописуя данный летописный сюжет, автор прибегает к явной аллюзии на это библейское произведение, в котором тема завоевания жизненного пространства сюжетно стоит на первом месте. Аллюзиями на данный библейский сюжет можно считать и указанное выше количественное перечисление славянских племен, вокруг которого строится летописное повествование. Следовательно, речь может идти о миграции нескольких, а быть может, даже одного славянского племени на территорию Поднепровья, которое сопровождалось захватом территории, уже населенной другими, возможно, родственными славянскими племенами.

На такой же вывод наталкивает и постоянная путаница, возникающая у летописца в описании этнической истории племен, входивших в славянское единство: «Словѣни же вви пришедше съдоша на Вислѣ и прозвашася Лахове а ѿ тѣхъ Лаховъ прозвашася Полане» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 6, л. 2 об. -3], однако «Радимичи бо и Ватичи ѿ Лаховъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 4 об.]. «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъ а Полахъ в Древлехъ свое а Дреговичи свое в Словѣни свое в Новѣгородѣ а другое на Полотѣ иже Полочане ѿ нихъже. Кривичи же съдаты на верхъ Волги а на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра ихже град Смоленскъ туда бо съедать Кривичи таже Съверъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 10, л. 4.], тем не менее «се бо токмо Словѣнскъ ѡзыкъ в Руси Полане Деревлане, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Съверъ, Бужане...» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 11, л. 4–4 об.]. С одной стороны, отношения племен безоблачны «иже баху в мирѣ Полане и Деревлане и Съверъ и Радимичъ и Ватичи и Хорвате» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 5], с другой стороны, поляне: «быша вбидимы Древлами и инѣми ѡкольними» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 16–17, л. 6]. Данную путаницу, конечно, можно объяснить многочисленными вставками и перелицовками данного произведения, однако при любой самой бесцеремонной редакции первоначальный текст подчинялся установленной логике и следует заранее заданному замыслу. Эту логику, пусть даже гипотетически, можно представить следующим образом.

Опираясь на Ветхий Завет, летописец показывает историю возникновения и расселения славянских племен, выводя их от колена Иафетова и проводя через описание Вавилонского столпотворения. «Афетови же приша западь и полунощныя страны от сихъ же 70 и 2 языку бы языкъ Словѣнскъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 5, л. 2 об.]. Характерно, что в данном сюжете Библии числа 70 и 2 отсутствуют, однако присутствуют в описании египетского пленения «богоизбранного народа»: «Сынов

Иосифа, которые родились у него в Египте, две души. Всех душ дома Иаковлева, перешедших в Египет, семьдесят» [Быт. 46:27]. Эта явная аллюзия летописца дает возможность предполагать, что сама логика дальнейшего повествования будет подчинена последовательности ветхозаветных сюжетов.

«СѢ тѣхъ Словѣнь разидошася по землѣ и прозвашася именѣи своими, гдѣ сѣдоше на которомъ мѣстѣ яко пришедше сѣдоша» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 5, л. 3], – продолжает летописец в следующей строке. Отметим, что именно после нее следует первое перечисление этнонимов собственно славянских племен. Приведенная фраза имеет явное смысловое совпадение с первой главой Четвертой книги Моисеевой – Числа. «Исчислите общество сыновей Израилевых по родам их, по числу имен» [Числ. 1:2]. Если следовать дальше этой логике, то для славян пришло время «чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую Я даю сынам Израилевым» [Числ. 13:3]. Приняв во внимание вышеотмеченные созвучия фрагментов текста летописи с книгой Иисуса Навина, можно говорить, что автор должен повести теперь славян на завоевание земли обетованной.

При беглом прочтении «Повести временных лет» создается впечатление, что территория, на которую приходят летописные славянские племена была необитаема и ее одновременно занимают сразу все описанные племена. Однако характер изложения, заданный летописцем, с опорой на ветхозаветную историю, скорее говорит об обратном, завоевании «земли Ханаанской», уже заселенной другими, возможно, родственными племенами, и завоевание это ведется не группой племен, а скорее одним из них – «полянами». «Поланом же жиоущемъ всобѣ...» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 4 об.]. Если исходить из этой версии, то структура раннеисторического описания летописной «истории славян» выдерживается строго: от множественности племен к одному, главному, «богоизбранному», с целью выделить полян как будущих проводников христианизации восточнославянских племен и противопоставить языческий закон как человеческое изобретение – христианскому закону как порядку, ниспосланному свыше [Мирзоев, 2004, с. 48–50, Лихачев, 2014, с. 120, Данилевский, 2004, с. 148–150, Шайкин, 2004, с. 31]. В этом случае финальная часть описания нравов «полян»: «Полане бо своихъ вѣць вобычаи имуть кротокъ и тихъ и сиденье къ снохамъ своимъ къ свекрамъ къ мѣрмъ и к родителемъ своимъ къ свекровем и къ деверемъ велико стыдѣние имѣху» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 13, л. 5], становится вполне обоснованной, логично завершающей все предыдущее описание. Прочие же племена: «Имаху бо обычаи свои и законъ вѣць свой и преданъа каждо свои нравъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 13, л. 5] к главным фигурантам космографического обозрения «Повести временных лет» отношения не имели и поэтому описываются летописцем как автохтонные племена – враги, подлежащие покорению. Именно для этого и приводится столь нелицеприятное описание нравов «чужих» для полян пусть даже славянских племен.

Чтобы подчеркнуть эту разницу, летописец прибегает к довольно широкому цитированию Георгия Амартола, сводящемуся в итоге опять же к выделению полян в отдельную, самую совершенную категорию днепровских славян. Как установила М.Ю. Андрейчева, именно оттуда берется довольно яркое сравнение полян с «брахманами»: «Врахманеи встровъницы» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 13, л. 5 об.], богоизбранным народом, потомками ветхозаветного Рехавы [Иер. 35:18–19], переселенных богом, во времена пророка Иеремии из Иерусалима на острова рядом с раем [Андрейчева, 2019, с. 36–39]. Исключительность полян неоднократно подчеркивается летописцем: «Поланомъ же жиоущемъ всобѣ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 4 об.], что повторяется в космографическом введении «Повести временных лет» три раза. Подобное можно, конечно, объяснить традиционно, соединением в конечной редакции летописи разновременных источников [Повесть временных лет, 1996, с. 389], однако можно предположить, что летописец вводит их в текст

совершенно намеренно, о чем говорит его «якоже рекохом» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 4 об.], завершавшее последнее упоминание об исключительности социального устройства полян.

Таким образом, выведя полян за общий список племен, автор установил их на пьедестал «богоизбранного» народа, раз и навсегда определив их право повелевать всеми остальными племенами вокруг. Отметим, что даже список племен выписан исходя от «центра» земель – дислокации «полян». Потомки трех легендарных братьев, но, прежде всего, конечно, Кия, отождествляющегося под пером летописца с библейским Симом, получили все права на доминирование в окружающем их мире как с точки зрения летописной традиции, так и с точки зрения Ветхого Завета, за которым она следовала. «Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему» [Быт. 9:27]. Окружающим же племенам уже самой логикой божественного провидения предписывалось: «возьмите в руки ваши хлеба на дорогу и пойдите навстречу им и скажите им: «мы рабы ваши; итак, заключите с нами союз» [Иис. Навин 9:11]. Можно предположить, что именно на такое противопоставление «своих» и «чужих» указывает летописец, характеризуя абсолютно чужие для полян окрестные племена, самим провидением обреченные быть в повиновении Киеву. «Когда Израиль пришел в силу, тогда сделал он Хананеев данниками, но изгнать не изгнал их» [Суд. 1:28]. Собственно, такое описание «чужих» позволяло обеспечить сакрально-обрядовый авторитет Киева путем соотношения истории полян с Ветхим Заветом, четко объяснить его политические амбиции и тем самым обосновать безусловную уверенность летописца в том, что только Киев может стать безальтернативным центром нарождающегося государства.

Список литературы

1. Алексеев А.А. 1999. Текстология славянской Библии. СПб., Дмитрий Буланин, 254.
2. Андрейчева М.Ю. 2019. Образы иноверцев в Повести временных лет. СПб., Нестор-История, 184.
3. Барсов Н.Н. 1885. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, Тип. К. Ковалевского, 371.
4. Белова О. 1998. Легенда о Потопе в славянской и европейской народной традиции. В кн.: От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. Сборник статей. Академическая серия. Вып. 2. М., ГЕОС: 163–180.
5. Данилевский И.Н. 2014. Восточнославянские «племенные союзы»: реальность или летописная легенда? В кн.: Книга картины Земли. Сб. ст. в честь И.Г. Коноваловой. Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М., Индрик: 66–75.
6. Данилевский И.Н. 2004. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., Аспект-Прес, 383.
7. Иссерс О.С., Рахимбергенова М.К. 2007. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы). Политическая лингвистика. Вып. 3 (23): 90–96.
8. Карамзин Н.М. 2003. История государства российского. Т. I–VI. Кн. 1. М., «Золотой Век», 832.
9. Колесов В.В. 1986. Мир человека в слове Древней Руси. Л., Издательство ЛГУ им. А.А. Жданова, 312.
10. Кузнецов С.К. 1910. Русская историческая география. Вып. I. М., Синодальная типография, 197.
11. Кузьмин А.Г. 1969. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, [б. и.], 240.
12. Лихачев Д.С. 2014. Великое наследие. Классические произведения Литературы Древней Руси. СПб., Азбука, 474.
13. Мельникова Е.А. 2010. Пространственная ориентация в Повести временных лет. В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М., Русский фонд содействия образованию и науке: Ун-т Дмитрия Пожарского: 73–94.

14. Мирзоев В.Г. 1979. Былины и летописи. Памятники русской исторической мысли. М., Мысль, 254.
15. Насонов А.Н. 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., Изд-во Акад. наук, 263.
16. Пашуто В.Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. М., Наука, 472.
17. Пеньковский А.Б. 2004. Очерки по русской семантике. М., «Языки славянской культуры», 464.
18. Петрухин В. 1998. Библия, апокрифы и становление славянских раннеисторических традиций (к постановке проблемы). В кн.: От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской культуре. Сборник статей. Академическая серия. Вып. 2. М., Гелиос: 269–286.
19. Петрухин В. 2008. Сакральная топография Киева в свете славяно-иудейских древностей. В кн.: Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. Академическая серия. Вып. 22. М., Центр Сэфер, Институт славяноведения РАН: 60–66.
20. Повесть временных лет. Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева / Под ред. В.И. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., Наука, 1996. 667.
21. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Изд. 2. Л., 1926–1928.
22. Рыбаков Б.Н. 1963. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., Изд-во Акад. наук СССР, 361.
23. Рыбаков Б.А. 1953. Древние Русы. Советская археология. Т. XVII. М., Изд-во АН СССР: 23–104.
24. Рыбаков Б.А. 1982. Киевская Русь и славянские княжества XII–XIII вв. М., Наука, 590.
25. Сахаров А.Н. 1980. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., Мысль, 358.
26. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., автор примечаний и указателей А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин; вступительная статья и перевод А.Г. Кузьмина. Арзамас, «Издательство Арзамасского гос., педагогического института», 1993. 383.
27. Седов В.В. 1995. Славяне в раннее средневековье. М., «Фонд археологии», 415.
28. Топоров В.Н. 1973. О космологических источниках раннеисторических описаний. В кн. Труды по знаковым системам. Ученые записки ТГУ, Вып. 308: 106–150.
29. Топоров В.Н. 2010. О космологических источниках раннеисторических описаний. В кн.: Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. I. М., Рукописные памятники Древней Руси: 161–205.
30. Шайкин А.А. 2004. «Повесть временных лет» о язычестве на Руси. В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 55. СПб., Дмитрий Буланин: 29–39.
31. Шамне Н.Л. 2009. Региональная миграция и проблемы ксенофобии. В кн.: Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 4 февр. 2009 г. Волгоград, Волгогр. науч. изд-во: 3–8.
32. Шахматов А.А. 2002. История русского летописания. Разыскания в древнейших русских летописных сводах. Т. I. Кн. 1. СПб., Наука, 486.
33. Шахматов А.А. 2002. История русского летописания. Начальный Киевский летописный свод и его источники. Т. I. Кн. 2. СПб., Наука, 1024.
34. Tolochko O.P. 2008. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and 169 Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I.H. Garipzanov, P.J. Geary and Prz. Urbańczyk. – Turnhout: Brepols Publishers n. v., 169–188.

References

1. Alekseev A.A. 1999. Tekstologiya slavyanskoj Biblii. [Textology of the Slavic Bible]. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin, 254 (in Russian).
2. Andrejcheva M.Yu. 2019. Obrazy inovercev v Povesti vremennyh let. [Images of Gentiles in the Russian Primary Chronicle]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 184 (in Russian).
3. Barsov N.N. 1885. Oчерки ruskoj istoricheskoi geografii. Geografiya nachal'noj (Nestorovoj) letopisi. [Essays on Russian historical geography. Geography of the initial (Nestorian) chronicle]. Varshava, Tip. K. Kovalevskogo, 371 (in Russian).

4. Belova O. 1998. Legenda o Potope v slavyanskoj i evropejskoj narodnoj tradicii. [The Flood legend in the Slavic and European folk tradition]. In: *Ot Bytiya k Iskhodu. Otrazhenie biblejskih syuzhetov v slavyanskoj i evrejskoj narodnoj kul'ture. Sbornik statej. Akademicheskaya seriya. Vyp. 2.* Moscow, GEOS, 1998: 163–180 (in Russian).
5. Danilevskij I.N. 2014. Vostochnoslavjanskije «plemennye soyuzy»: real'nost' ili letopisnaja legenda? [East Slavic "tribal unions": reality or chronicle legend?] In: *Kniga kartiny Zemli. Sb. st. v chest' I.G. Konovalovoj. Pod red. T.N. Dzhakson i A.V. Podosinova.* Moscow, Indrik, 2014: 66–75 (in Russian).
6. Danilevskij I.N. 2004. Povest' vremennyh let. Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnyh tekstov. [A Primary Chronicle. Hermeneutical foundations of the study of chronicle texts]. Moscow, Aspekt-Press, 383 (in Russian).
7. Issers O.S. Rahimbergenova M.K. 2007. Yazykovye markery etnicheskoj ksenofobii (na materiale rossijskoj pressy) [Language markers of ethnic xenophobia (based on the material of the Russian press).] / *Politicheskaya lingvistika. Vyp. 3 (23).* 90–96: (in Russian).
8. Karamzin N.M. 2003. Istoriya gosudarstva rossijskogo. [History of the Russian state]. T. I–VI. Kn. 1. Moscow, «Zolotoj Vek», 832 (in Russian).
9. Kolesov V.V. 1986. Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi. [The world of man in the word of Ancient Russia]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU im. A.A. Zhdanova, 312.
10. Kuznecov S.K. 1910. Russkaya istoricheskaya geografiya. [Russian historical geography]. Vyp. I. Moscow, Sinodal'naya tipografiya, 197 (in Russian).
11. Kuz'min A.G. 1969. Russkie letopisi kak istochnik po istorii Drevnej Rusi. [Russian Chronicles as a source for the history of Ancient Russia.]. Ryazan', [b. i.], 240 (in Russian).
12. Lihachev D.S. 2014. Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya Literatury Drevnej Rusi. [Great heritage. Classic works Of literature of Ancient Russia.]. Saint-Petersburg, Azbuka, 474 (in Russian).
13. Mel'nikova E.A. 2010. Prostranstvennaya orientaciya v Povesti vremennyh let. [Spatial orientation In the Russian Primary Chronicle]. In: *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2006 god: Prostranstvo i vremena v srednevekovyh tekstah.* Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke: Un-t Dmitriya Pozharskogo: 73–94 (in Russian).
14. Mirzoev V.G. 1979. Byliny i letopisi. Pamyatniki russkoj istoricheskoj mysli. [Epics and Chronicles. Monuments of Russian historical thought.]. Moscow, Mysl', 254 (in Russian).
15. Nasonov A.N. 1951. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. [“Russian land” and the formation of the territory of the old Russian state.]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk, 263 (in Russian).
16. Pashuto V.T. 1968. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi. [Foreign Policy of Ancient Rus]. Moscow, Nauka, 472 (in Russian).
17. Pen'kovskij A.B. 2004. Ocherki po russkoj semantike. [Essays on Russian semantics]. Moscow, «Yazyki slavyanskoj kul'tury», 464 (in Russian).
18. Petruhin V. 1998. Bibliya, apokryfy i stanovlenie slavyanskih ranneistoricheskikh tradicij (k postanovke problemy). [The Bible, Apocrypha and the formation of Slavic early historical traditions (to the problem statement)]. In: *Ot Bytiya k Iskhodu. Otrazhenie biblejskih syuzhetov v slavyanskoj i evrejskoj kul'ture. Sbornik statej. Akademicheskaya seriya. Vyp. 2.* Moscow, Gelios: 269–286 (in Russian).
19. Petruhin V. 2008. Sakral'naya topografiya Kieva v svete slavyano-iudejskih drevnostej. [Sacred topography of Kiev in the light of Slavic-Jewish antiquities]. In: *Sakral'naya geografiya v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii. Sbornik statej. Akademicheskaya seriya. Vyp. 22.* Moscow, Centr Sefer, Institut slavyanovedeniya RAN: 60–66 (in Russian).
20. Povest' vremennyh let. [The Russian Primary Chronicle]. Podgot. teksta, per., st. i komment. D.S. Lihacheva. Pod red. V.I. Adrianovoj-Peretc. 2-e izd., ispr. i dop. Saint-Petersburg, Nauka, 1996. 667.
21. PSRL. T. 1. Lavrent'evskaya letopis'. [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 1. The Laurentian Codex.]. Izd. 2. Leningrad, 1926–1928 (in Russian).
22. Rybakov B.N. 1963. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi. [Ancient Rus. Legends. Bylinas. Chronicles]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 361 (in Russian).
23. Rybakov B.A. 1953. Drevnie Rusy. [Ancient Russ]. *Sovetskaya arheologiya. T. XVII.* Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR: 23–104 (in Russian).
24. Rybakov B.A. 1982. Kievskaya Rus' i slavyanskije knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus and Slavic princedoms of the XII-XIII centuries.]. Moscow, Nauka, 590 (in Russian).

25. Saharov A.N. 1980. *Diplomatiya Drevnej Rusi. IX – pervaya polovina X v.* [Diplomacy of Ancient Rus. IX-first half of the X century]. Moscow, Mysl', 358 (in Russian).
26. *Se Povesti vremennyh let (Lavrent'evskaya letopis')* [These are the Tales of bygone years (Laurentian chronicle)] / Sost., avtor primechanij i ukazatelej A.G. Kuz'min, V.V. Fomin; vstupitel'naya stat'ya i perevod A.G. Kuz'mina. Arzamas, «Izdatel'stvo Arzamasskogo gos., pedagogicheskogo instituta», 1993. 383 (in Russian).
27. Sedov V.V. 1995. *Slavyane v rannee srednevekov'e* [Славяне в раннее средневековье]. Moscow, «Fond arheologii», 415 (in Russian).
28. Toporov V.N. 1973. *O kosmologicheskikh istochnikah ranneistoricheskikh opisaniy* [On cosmological sources of early historical descriptions] // *Trudy po znakovym sistemam. Uchenye zapiski TGU*, Вып. 308: 106–150 (in Russian).
29. Toporov V.N. 2010. *O kosmologicheskikh istochnikah ranneistoricheskikh opisaniy* [On cosmological sources of early historical descriptions]. In: Toporov V.N. *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы*. Moscow, *Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi*: 161–205 (in Russian).
30. Shajkin A.A. 2004. «*Povest' vremennyh let*» o yazychestve na Rusi [The Russian Primary Chronicle about paganism in Russia]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. T. 55. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin: 29–39 (in Russian).
31. Shamne N.L. 2009. *Regional'naya migraciya i problemy ksenofobii* [Regional migration and the problems of xenophobia]. In: *Kommunikativnye aspekty sovremennoj lingvistiki i lingvodidaktiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf., g. Volgograd, 4 fevr. 2009 g.* Volgograd, *Volgogr. nauch. izd-vo*: 3–8 (in Russian).
32. Shahmatov A.A. 2002. *Istoriya russkogo letopisaniya. Razyskaniya v drevnejshih russkikh letopisnyh svodah* [History of the Russian chronicle. Searches in the oldest Russian Chronicles]. T. I. Kn. 1. Saint-Petersburg, Nauka, 486 (in Russian).
33. Shahmatov A.A. *Istoriya russkogo letopisaniya. Nachal'nyj Kievskij letopisnyj svod i ego istochniki* [History of the Russian chronicle. The initial Kiev chronicle and its sources.]. T. I. Kn. 2. Saint-Petersburg, Nauka, 1024 (in Russian).
34. Tolochko O.P. 2008. *The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and 169 Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State. Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe* / Ed. by I.H. Garipzanov, P.J. Geary and Prz. Urbańczyk. – Turnhout: Brepols Publishers n. v., 169–188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солнцев Николай Игоревич, доктор исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории, Института международных отношений и мировой истории, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. Старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет» ПФО РФ при Нижегородской лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay I. Solntsev, doctor of historical Sciences, associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia. Senior Researcher of the Scientific and Educational Center «Slavic-Greek-Latin Cabinet» of the Volga Federal District of the Russian Federation Dobrolyubov Linguistic State University, Nizhny Novgorod, Russia